

Ипатьевского списка, и из этих источников ввел, кроме легендарных сведений, и исторические припоминания о битве на Калке, которые усилили впечатление от первой большой победы над давним врагом. Из новых фактов, относящихся к Куликовской битве и не вошедших в основной рассказ Задонщины, он ввел лишь упоминание о пире у Микулы Васильевича.¹ Чтобы сгладить переход к тексту Софонии, этот предполагаемый редактор-автор предисловия ввел в свой стиль отдельные выражения из поэтического языка Софонии.

Если признать, что предисловие с отголосками летописной легенды о происхождении Руси от Афета, а татар от Сима возникло независимо от самого рассказа о Куликовской битве, то этот рассказ придется начинать с первого подражания зачину Слова о полку Игореве: „Лудчи бо нам, братие, начяти поведати инеми словесы...“. Однако именно в этой фразе Задонщины есть выражение, которое делает сомнительным, чтобы повесть начиналась как раз этими словами. „Инеми словесы“ подразумевает сравнение: автор собирается теперь говорить другими словами, чем те, очевидно, какими он говорил раньше. Но где же раньше? Остается допустить, что в предисловии. И действительно, если в предисловии образцом его речи была летопись, то теперь таким образцом становится Слово о полку Игореве: „иные словеса“ этого литературного источника как будто противопоставляются „книгам“, откуда были извлечены исторические экскурсы предисловия.

Приведенные соображения не позволяют при данном состоянии рукописных текстов Задонщины категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии. Несомненно одно, что в XV в. такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке, К-Б (Кирилло-Белозерском).

Опирающаяся на поэтический план Слова о полку Игореве повесть о Куликовской битве переходит в рассказ о бегстве Мамаю, первая фраза которого, как указано выше, явно подражает стилю Слова. Дальнейшее содержание этого рассказа основано на двух неизвестных нам источниках. Ироническая речь фрягов к Мамаю построена на народно-поэтическом образе битва-пир, но нравоучительный эпизод, заканчивающий эту речь, резко выделяется своей книжностью. Может быть, этот эпизод представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу.

Последняя часть Задонщины в ее наиболее полной редакции — прощание „на костех“ — передана в общем близко к Летописной повести, впервые появляющейся здесь в качестве источника не только фактических данных, но и литературного их выражения. Ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов, отразившихся в предисловии, в этой части Задонщины нет. Вряд ли поэтому есть основание приписывать ее авторство Софонии.

¹ О возможных источниках сведений об этом пире см. комментарий к изданию текста Задонщины в V томе „Трудов ОДРЛ“.